

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

С.А. КОРОТАЕВ,
О.И. ШКАРАТАН

Постсоветская государственность и общество**Статья 3. Укрепление государственности
и социальный контракт между обществом
и властью***

Заключительная часть статьи (статьи 1 и 2 см. “ОНС”, 2017, № 4, 6) сосредоточивается на вопросах углубления социально-экономического неравенства россиян в постсоветский период. Авторы показывают, что высокие показатели неравенства главным образом обусловлены принципами управления страной, цель которых – концентрация власти в руках государственной верхушки. Раскрывается природа сложившейся в постсоветской России социально-экономической системы – как этакратизма в новой фазе его развития (неоэтакратизма). Утверждение неоэтакратизма охватило три исторических этапа: поздние времена существования СССР, когда начался процесс захвата номенклатурой контрольных позиций в приватизирующейся экономике; приватизация собственности и финансов, когда так называемые олигархи захватили определяющие позиции в государственном управлении; захват бизнеса или его подчинение в интересах государственных ведомств. Делается вывод о том, что для преодоления социально-экономического отставания и утверждения принципов социальной справедливости необходим пересмотр общественного договора, центральной идеей которого должно стать устранение неравенства в доступе к общественным институтам.

Ключевые слова: социально-экономическое неравенство, этакратизм, неоэтакратизм, российское общество.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16–18–10270).

Коротаев Сергей Александрович – стажер-исследователь Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ). Адрес: 115054, Москва, Малая Пионерская 12. E-mail: skorotaev@hse.ru

Шкаратан Овсей Ирмович – доктор исторических наук, ординарный профессор НИУ ВШЭ, заведующий Лабораторией сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ НИУ ВШЭ, председатель редакционного совета журнала “Мир России. Социология. Этнология”. Адрес: 119049, Москва, ул. Шаболовка, д. 26, стр. 4, E-mail: ovsey@hse.ru

Цели развития общества и принцип справедливости

Важное условие реализации эффективной политики в социальной сфере – опора на коллективные представления о социетальных (национальных) и групповых интересах. Концептуальный отказ от учета общественных интересов, признание лишь индивидуальных интересов, трактуемых как стремление к получению максимальной выгоды, вел и ведет к деструкции общества, разрушению его общей ценностной ориентации (централизованной системы ценностей). Долгосрочные цели национального развития требуют мобилизации всех духовных ресурсов общества. Эффективная стратегия национального развития должна учитывать не только готовность народа противостоять внешним угрозам, но и свойственное большинству людей стремление к благополучию, счастью, социальной справедливости.

В российской печати и в общественных обсуждениях приводятся данные о крайне низкой доле оплаты за труд в ВВП (порядка 30% против 60–70% в развитых индустриальных и постиндустриальных странах); о высоком уровне заболеваемости и смертности (многие годы низкая продолжительность жизни отмечалась прежде всего у мужчин, в течение долгого времени с 1991 г. она изменялась в диапазоне 57–65,5 года с максимумом в 2015 г. против стабильных 75–80 лет в развитых странах). Особое внимание аналитики обращают на невиданную степень неравенства между низшими и высшими социальными слоями.

Нельзя не признать, что положение людей остается фундаментально неравным во всех странах, включая и самые развитые постиндустриальные государства. Несмотря на активную социальную политику до сих пор повсюду встречаются свидетельства бедности и массового экономического и социального неравенства. Во всех странах привилегированные группы людей пользуются непропорционально большой властью, богатством, престижем и другими высокоценными благами. Наиболее удручающие факты неравенства в мире наблюдаются в остальных странах.

Процессы глобализации привели к увеличению разрыва между крайностями богатства и бедности и в странах “золотого миллиарда”. Почти половина мирового богатства сосредоточена в руках одного процента имущей верхушки мирового населения, тогда как на долю беднейшей половины приходится менее одного процента общего богатства. Как отмечалось в специальном докладе для Экономического форума в Давосе, такая концентрация богатства ведет к разрушительным последствиям, подвергая эрозии демократию, подрывая социальную стабильность и заведомо исключая равные шансы для всех [Outlook 2014].

Блистательный французский экономист Т. Пикетти, проанализировав данные о росте концентрации богатства в Европе и США начиная с XVIII века, пришел к выводу, что в настоящее время уместно говорить о “потомственном капитализме”, когда богатство концентрируется в одних руках и в основном передается по наследству, а не приобретается трудом или заслугами. Сверхвысокие доходы – это, как правило, доходы от собственности. Источником этих “незаработанных” доходов обычно является непроизводительный капитал, присваивающий то, что относится к “общим благам” (природные ресурсы, научные знания, плоды технического прогресса и т.д.) [Пикетти 2015]. Разительное несоответствие между рыночным распределением и фактическим вкладом производственных факторов служит веским основанием для применения прогрессивного налогообложения, позволяющего в какой-то мере смягчить экономические и социальные издержки сверхбогатства и бедности [Стендинг 2014].

Понимание определяющего значения принципа справедливости с точки зрения долгосрочных целей развития общества все чаще противостоит догме неолитерализма. Тем более что практика показывает: общества, отличающиеся более высокой степенью равенства, чаще добиваются более высоких темпов экономического роста. Есть свидетельства и о том, что в таких странах лучше обстоит дело с социальными индикаторами: продолжительностью жизни, общими показателями здоровья и благосостояния.

Неолиберальной модели рынка противостоит социал-демократическая модель, согласно которой рынок — необходимое, но не единственное средство достижения целей общества. Не менее значимы принципы социальной справедливости и равенства возможностей. Такая констатация не означает призыва к уравниловке. Речь идет о естественном, социально приемлемом и “продуктивном” неравенстве.

В современную информационную эпоху новый значимый фактор неравенства стал заключаться в самих людях и их способностях, а именно, в способности усваивать информацию и применять полученные навыки и умения в своей деятельности, то есть фактором неравенства стал интеллектуальный капитал. В социологических работах 1970—1980-х гг. (и в западных, и в советских) преобладало восторженное восприятие информационного общества как свободного и демократического. Доминировали утверждения, что при общей доступности образования у членов общества появляются и равные шансы, и относительное равенство по социальному положению. Однако на смену прежнему неравенству в доступе к полному среднему и высшему образованию пришло более тонкое и гибкое фактическое неравенство в качестве образования и в объеме реального интеллектуального капитала. Постоянно возрастал вклад семьи и ее не только материальными, но и культурными ресурсами (культурный капитал) в социальное и культурное воспроизводство продвинутых социальных слоев, в выращивание новой элиты, где физический и интеллектуальный капиталы стали идти рука об руку.

Динамика индекса человеческого развития и положение россиян

Чем более эффективной будет политика эгалитарности в области образования, тем шире окажется круг просвещенного населения, готового участвовать в инновационной деятельности в силу возрастания национального инновационного человеческого капитала, тем успешнее станет эволюция социетально-инновационной структуры России в мировом соревновании за достойные позиции в постиндустриальном сообществе народов.

После распада СССР неравенство в России росло очень высокими темпами — в три раза быстрее, чем в те же годы в США. При этом медианный доход в стране снижался, а число бедных росло. В 2000-е гг. темп роста социального неравенства в стране снизился, а его уровень лишь немного превышает аналогичный уровень в США: “...после 2008 г. неравенство несколько увеличилось. Кризис 2008—2010 гг. не внес каких-либо заметных изменений в эту тенденцию в связи с тем, что новые формы собственности и экономические институты, сформировавшиеся после распада СССР, не способствуют снижению неравенства в стране. Социологи показывают, что для России характерно избыточное неравенство, которое тормозит темпы роста экономики нашей страны... Российские граждане — с их высоким образованием и доступом к Интернету — вполне осознают специфику своего положения, сложность социальных лифтов в стране. Пока вопрос о сокращении неравенства после трансформации практически даже не ставился ни правительством, ни программами реформ” [Доклад... 2016, с. 55, 59].

Что касается учета специфических черт отечественной действительности, определяющих отбор индикаторов для анализа неравенства, то здесь в основу была положена концепция, согласно которой в современной России сложился тип отношений в виде переплетения сословной иерархии и элементов классовой стратификации. Он устойчиво воспроизводится на протяжении 2000-х гг. (см. [Нова ли... 2016], где обобщены результаты представительных опросов 1994, 2002, 2006, 2013 гг.).

Как мы уже отмечали, в 1990-е гг. резко усилилось имущественное расслоение населения, появились значительные слои так называемых “новых бедных” — работающих бедных. Реальная среднемесячная заработная плата работника (в ценах 1991 г.) за 1991—1998 гг. снизилась почти в 3 раза. При этом отношение средней заработной платы к прожиточному минимуму, соответственно, упало с 3,16 до 1,7, то есть без малого в 2 раза. Но главное — не цифры, а характер основной и весьма тревожной

тенденции – *привыкание значительной части наших соотечественников к бедности, включение их в культуру бедности*. Все серьезные отечественные и зарубежные ученые подтверждают эту опасную тенденцию.

Перелом наступил в 1999 г., и вплоть до 2014 г. душевые реальные доходы населения выросли в 3 раза. Уменьшилась за эти годы и доля бедных, чьи доходы не достигали прожиточного минимума, составив в низшей точке своего сокращения 10,8% (2013 г.). Самое существенное снижение уровня бедности наблюдалось с 2000 по 2007 г. При абсолютной монетарной методологии измерения бедности этот факт стал естественным результатом увеличения реальных денежных доходов населения в период экономического роста. Анализ также показывает очевидный прогресс в сокращении крайней нищеты в России: доля населения, живущего на 1,9 доллара США в день (по ППС на 2011 г.) в период с 2005 по 2012 г. сократилась с 0,66 до 0,04%. Тем не менее и сегодня (2017 г.) есть социальные группы населения, которые живут в состоянии крайней бедности (2,2% населения, или 16,5% от общей численности бедных). Заметим попутно, что официальные данные по бедности весьма далеки от подлинной ситуации (см. [Социальная политика... 2015; Аникин, Тихонова 2014; Доклад... 2016, с. 111–114]).

Но основные социальные риски формируются не столько со стороны бедности, сколько со стороны неравенства. Наша страна лидирует в мире по неравенству в распределении богатства. На долю 1% самых богатых россиян приходится 71% всех активов домохозяйств в стране. В среднем в мире этот показатель равен 46%, в США – 37, в Европе – 32, в Японии – 17% [Гонтмахер 2013, с. 71]. Если воспользоваться относительной концепцией бедности, принятой в европейских странах, и оценить ее уровень на основе медианного дохода, то уровень относительной монетарной бедности в России был выше, чем в подавляющем большинстве стран ОСЭР, включая Польшу (10,5%) и Испанию (15,9%), причем это превышение весьма существенно [Доклад... 2016, с. 116–117].

Основной результат проводившейся социальной политики аккумулирован Е. Гонтмахером и Т. Малевой в следующих словах: “В 1990-е годы в России возникли беспрецедентные по сравнению с советской эпохой различия как в текущих доходах и потреблении населения, так и в его обеспеченности недвижимостью, предметами длительного пользования. Как следствие, в стране усилилось социальное расслоение... Образовавшиеся новые группы населения (богатые, средние классы, средне- и малообеспеченные) сформировали собственные уклады жизни. При этом в годы подъема... различия между данными укладами продолжали углубляться. Видимо, происходит их “капсулирование” (закрепление) из-за фактического прекращения процесса диффузии социальных групп” [Гонтмахер, Малева 2008, с. 61]. Резко уменьшилась социальная мобильность, сформировалась ориентация на извлечение ренты из достигнутого положения. Медитократические основания российского и других обществ современного неозакратизма приводят не только к сохранению, но и к усилению доминирования принципа наследования материальных богатств и социальных связей, к умножению материальных и культурных преград на путях социального продвижения выходцев из низов и динамичных представителей среднего класса.

Дифференциация в оплате связана с различиями в количестве и качестве труда и условиях работы только у занятых на предприятиях, относящихся к одному сектору экономики. То есть различия в уровне заработной платы обусловлены в первую очередь структурной составляющей экономики. Уровень человеческого капитала играет второстепенную роль. В развитых странах в среднем чем больше человеческий капитал, тем больше получает его носитель. В российских же условиях равный по величине человеческий капитал может совмещаться как с высоким, так и с низким доходом, то есть связь между доходом и уровнем человеческого капитала неоднозначна. Уборщица в банке как и в 1990-е гг., так и сейчас получает заработную плату выше профессорской. Низкая оплата труда, несмотря на значительный рост в 1999–2008 гг. и известные майские указы 2012 г., *de facto* сохраняется у школьного учителя, врача,

инженера, научного работника. Если принять среднюю заработную плату за 100, то в 2007 г. она составляла в образовании 65 (против 56 в 2000 г.); у работников в сфере финансов – 257; у работников в сельском хозяйстве – 45; у занятых добычей полезных ископаемых – 209; у работников обрабатывающих производств – 97 [Григорьев, Плаксин, Салихов 2008, с. 31].

В канун кризиса 2014 г. общее неравенство доходов, детерминированное неравенством прибылей от собственности и предпринимательской деятельности, обусловило и неравенство в оплате труда как в отдельных регионах, так и между ними. В эти годы зарработки 10% наиболее высокооплачиваемых работников в 39 раз превысили зарработки низших 10%. На верхний дециль приходилось 36% всего фонда оплаты труда (“Независимая газета”. 9 февраля 2015).

Как сами россияне оценивали свое экономическое положение? Возьмем данные по самооценке денежных доходов за самый благополучный постсоветский год. В июне 2013 г., оценивая свои денежные доходы, 23% россиян сказали, что живут в условиях нищеты и бедности: не доедали – 2% и еле-еле сводили концы с концами – 21%. У 56% денег хватало для приобретения необходимых продуктов и одежды, 19% могли позволить себе купить большинство товаров длительного пользования и только 2% ни в чем себе не отказывают [Левашов 2013]. Группа бедных россиян с доходом ниже минимума в условиях экономического спада, достигла, по данным Росстата, 20 млн человек [Кравченко 2016].

Как писал М. Кастельс: “В XX в. мы жили, в сущности, при двух господствующих способах производства: *капитализме* и *стэйтизме* (в нашей терминологии – *этакратизме*. – С.К., О.Ш.) Капитализм ориентирован на максимизацию прибыли, т.е. на увеличение объема экономического излишка, присвоенного капиталом на основе частного контроля над средствами производства и распределения. Этакратизм ориентирован (был ориентирован?) на максимизацию власти, т.е. на рост военной и идеологической способности политического аппарата навязать свои цели большому количеству подданных на более глубоких уровнях их сознания” [Кастельс 2000, с. 38]. Это суждение авторитетного автора приведено здесь для объяснения качественных различий между социально-экономическим и политическим порядком в современной России, носящим черты преэментности по отношению к советскому этакратизму, и современным либеральным капитализмом.

В социально-экономической жизни современной России наличествуют два различных типа социально-экономических отношений, которые сосуществуют, взаимодействуют и в совокупности образуют качественно новое явление в истории страны: при доминировании не сошедшего со сцены этакратизма в России как бы на вторых ролях функционирует частнособственническая экономика с интенцией к формированию свободно-рыночного хозяйства.

Эта ситуация была запрограммирована всей историей нашего тоталитаризма, авторитаризма, “азиатчины”, существовавших в России многие поколения. В противовес ожиданиям многих российских интеллектуалов и власть, и собственность остались преимущественно в руках советской номенклатуры, повернувшей процессы приватизации и формирования новой властвующей элиты в свою пользу.

Этапы развития неэтакратизма

Природа сложившейся в постсоветской России социально-экономической системы – *этакратизм в новой фазе его развития*, то есть другими словами – *неэтакратизм*. Он прошел три основных этапа становления. Первый этап начался еще в поздние времена существования СССР, когда развернулся процесс захвата номенклатурой контрольных позиций в приватизирующейся экономике. Как известно, если оставить в стороне предысторию этого процесса, в 1987 г. ему дала толчок идея об оживлении стагнирующей плановой системы с помощью элементов рыночной экономики. Были созданы разнообразные коммерческие центры, непосредственно возглавленные

молодыми партийными и комсомольскими работниками, но контролируемые высшими партийными и правительственными чиновниками. Первые выступали в качестве доверенных (уполномоченных) лиц. Процесс завершился созданием как концернов типа “Газпром”, так и коммерческих банков, бирж, торговых домов. Собственность не была окончательно оформлена как частная, контролировавшие ее лица были свободны от ответственности за нее, но неограниченно ею распоряжались, включая присвоение доходов и бесконтрольную продажу имущества. В этот первый период этакратия с дочерним отрядом комсомольского бизнеса открыто превратилась в крупных собственников. Привилегированное меньшинство стало открыто богатым, господствующим и правящим слоем, кровно заинтересованным в стабильности и мирном закреплении номенклатурно-бюрократического контроля над государством и обществом.

Приватизация собственности и финансов органически сочетались с укреплением номенклатурного характера аппарата государственной власти. Временной точкой, определившей завершение этого периода, стали выборы президента в 1996 г. Наступил этап, когда так называемые олигархи захватили определяющие позиции в государственном управлении; как тогда выражались, олигархи “приватизировали государство”. Этот период продлился примерно до 2000–2001 гг.

На словах пришедшие к власти лица и организации заявляли, что они олицетворяют свободно-рыночное направление развития страны, что они носители демократических и либеральных начал в развитии общества, что они создают условия для формирования гражданского общества и его организаций. Государственная бюрократия и подведомственные ей структуры сохранили свои властные и управленческие функции, но оказались в теснейшей взаимосвязи и зависимости от узкой группы олигархов.

В этот период под видом власти бизнеса страной управляла кучка беспринципных “прихватизаторов”, тесно переплетенная с высшим политическим руководством, совместно игнорировавших интересы среднего и малого предпринимательства. Они поделили между собой природные ресурсы страны, особенно энергоресурсы, вывозили за рубеж свои многомиллиардные доходы и спокойно наблюдали за деградацией науки, культуры, высоких технологий и за вымиранием в прямом смысле слова своих соотечественников. Отношения “власть—собственность” оставались прежними с той разницей, что в связке “олигарх— чиновник” установилось более тесное взаимодействие. Российский бизнес в широком смысле так и не стал полноценным политическим актором, так и не стал подлинно частнокапиталистическим. Контракт-отношения между бизнесом и чиновничеством вели к деструкции бизнеса и продолжению упадка экономики страны.

Начался новый, третий, этап развития социально-экономической и политической системы постсоветской России, который пришелся на 2000-е гг. Это этап придания неозтакратизму и в сфере экономики, и в сфере политики адекватных его имманентной сущности институциональных и ценностно-мотивационных форм. В течение весьма короткого периода времени жестко и четко основными акторами и на экономической, и на политической сценах встали представители силовых ведомств, бюрократия и объединяющая их вертикаль власти. Как писал А. Яковлев, “модель неформальной приватизации власти в интересах бизнеса, характерная для 1990-х годов, постепенно сменяется моделью неформального же захвата бизнеса и подчинения его интересам ведомств” [Яковлев 2006, с. 132]. В подтверждение этой мысли автор приводит следующие аргументы. Оставаясь неподконтрольным не только обществу, но и высшей политической власти, государственный аппарат стал играть все более важную роль в экономической жизни. Данные опросов руководителей российских предприятий показали, что, вопреки широко распространенному мнению, арбитражные суды достаточно эффективны при разрешении споров между предприятиями, но, напротив, вероятность выиграть иск и добиться исполнения судебного решения в случае конфликта с государственными органами маловероятна. “Это означает, что угроза нарушения прав собственности в России сегодня исходит скорее не от инсайдеров, а от

государственного аппарата, преследующего свои бюрократические или политические цели” [Яковлев 2006, с. 132].

В итоге существенно изменились отношения чиновничества и бизнеса. Если в 1990-е гг. бизнесмены “покупали” чиновников, то в 2000-е гг. в характере коррупционной сделки произошли качественные иерархические изменения. Теперь на каждом этаже коррупционной пирамиды чиновник стал могущественнее бизнесмена. Он более не проситель, он – хозяин. Чиновничье сословие предъявило и получило право на ту прибыль, которая ранее принадлежала бизнесмену. Оно стало бенефициаром этих коррупционных сделок. Если раньше сделка давала возможность улучшить конкурентные преимущества, то теперь это лишь способ минимизировать потери, но без гарантии сохранить бизнес.

Символом изменения позиций крупного, преимущественно рентополучающего бизнеса в конфигурации социальных сил в обществе и власти стало так называемое “дело ЮКОСа”. С осени 2003 г. ведущие частные корпорации и их руководство лишились возможности напрямую участвовать во власти, в том числе и путем поддержки по собственному выбору оппозиционного режиму политических партий. Под все более жесткий контроль была поставлена деятельность организаций гражданского общества, образующих естественную жизненную среду конкурентно-рыночных отношений и служащих для бизнеса каналом реализации себя как субъекта властных отношений. Широкое развитие получили компании с преимущественно государственным активами и миноритарными акционерами. Абсолютный контроль над подавляющей частью национальных активов и прежде всего над стратегическими отраслями экономики вновь сосредоточен в руках политического руководства страны и государственных чиновников – менеджеров этих корпораций.

Итак, преодолев сложности переходного периода, достигнув определенных успехов в восстановлении и развитии экономики, в социально-экономическом отношении Россия после определенных колебаний исторического маятника как бы вернулась назад, к застойным формам этакратизма, но в новой оболочке. Присущие этакратическому обществу отношения “власть-собственность”, хотя и сосуществуют с частным бизнесом, но, по сути, остаются неизменными. В России продолжились и восторжествовали отношения дистрибуции (в терминах К. Поланьи), а не современного цивилизованного рынка. Властные отношения с присущей им номенклатурной иерархией и сословными привилегиями правящего слоя сохранили доминирование над отношениями частной собственности. Бизнес как носитель свободно-рыночных отношений подмят государственно-бюрократическими структурами. Последние успешно взаимодействуют как с государственными монополиями, так и с частными, обеспечивающими государственно-бюрократический порядок (“вертикаль” неоэтакратического устройства страны).

Мы имеем здесь яркую иллюстрацию того факта, которым часто пренебрегают, когда история имеет значение. Как в свое время великие князья XIV–XV вв., патронировавшие своих бояр путем выдачи поместных земель в обмен на службу, так и в наши дни “бояре”-капиталисты стали зависимыми от власти, выступающей гарантом сохранения и умножения их богатств при полной подчиненности собственников властвующей политической элите. Как отмечал С. Хедлунд, “с институциональной точки зрения механизмов правил и норм различие между русским прошлым и русским настоящим – преимущественно в технических деталях. В отличие от земельных наград современные бояре награждаются за свои службы и лояльность монетарно – деньгами или акциями” [Hedlund 1999, p. 253].

Россия как бы осталась в советском времени и пространстве, если брать в основу анализа латентные характеристики и доминирующие социально-экономические структуры, хотя и позастигивала в процессе постсоветской трансформации многие атрибуты частнособственнической экономики и демократической организации общества. Крах коммунистической системы в России привел к переходу специфической

евразийской цивилизации, сущностно отличной от европейской по институциональной структуре и системе ценностей, на новый этап ее эволюции.

Что же касается системы политических институтов постсоветской России, то, по мнению В. Межуева, при всем ее отличии от монархической и большевистской, она обладает чертами удивительного сходства с последними: «В русском языке есть, пожалуй, слово, способное служить наименованием этой традиции. Слово это – самовластие, семантически близкое к понятию “авторитаризм”, но с более понятным для нас русским оттенком. Оно – лишь иное название русской власти, загадку которой пытается постичь не одно поколение исследователей русской истории... В России за пределами власти нет никакого общества, а есть только народ – безликая, однородная и безгласная этническая или конфессиональная (православный народ) общность» [Межуев 2000, с. 94, 95].

После короткого периода неопределенности бюрократия и силовые структуры, объединенные через вертикаль власти, вновь стали основными акторами экономической и политической сцены и подчинили себе крупный российский бизнес, который утратил свою частную и капиталистическую сущность. Перефразируя известное выражение, можно сказать, что уполномоченные властвующими быть миллиардерами променяли возможность напрямую участвовать во власти на положение политически немощных богатейших в мире людей – социальную опору режима. По суждению Л. Гудкова, власть в России стала институтом консервации целого, “поскольку она базируется не на репрезентации многообразия социальных форм и социальных значений (групповых или корпоративных интересов), а, напротив, на дисквалификации любого Другого в сравнении с собой, вытеснения с публичного поля любых альтернативных авторитетов и источников влияния, что, собственно, и представляет собой воплощение насилия, т.е. подчинение всех монополющему авторитету держателей власти” [Гудков 2009, с. 26].

Победивший вектор развития и характер приватизации собственности

Тот путь, на который с неизбежностью встала Россия в постсоветские годы, означал неравенство условий жизненного старта для граждан в зависимости от их имущественного положения, места во властных структурах, накопленного социального капитала и т.д. Мечтам демократов о совершении подлинной и действительно народной приватизации, а соответственно, о постепенном складывании конкурентного рынка с динамично развивающимся малым и средним предпринимательством и демократического государства не довелось сбыться.

В кругах, близких к Е. Гайдару, были вполне готовы, опираясь на международный опыт, в частности на тщательно осмысленный британский, поэтапно и экономически эффективно провести подготовительную работу и осуществить нормальную, а не “мгновенную”, “взрывную” приватизацию. В жизни, однако, процесс пошел преимущественно по другому вектору. Реальным приоритетом нового постсоветского режима стала политика по концентрации ресурсов нации в руках незначительного меньшинства. Здесь-то и сыграла решающую роль скоростная приватизация, которая практически подарила правящей номенклатуре, в первую очередь ближнему президентскому кругу, иностранному капиталу (зачастую по разным схемам скупавшему предприятия, чтобы прекратить конкурентное производство), “теневикам” и криминалитету громадную государственную собственность. Эта приватизация прошла два основных этапа – ваучерный и залоговых аукционов. И если проведение первого этапа можно объяснить неопытностью правительства, скоротечностью событий 1992–1993 гг., то залоговые аукционы – в чистом виде осознанные акции по формированию внеконкурентного политикообразующего крупного бизнеса, носящего компрадорскую направленность.

Сторонники форсированной приватизации в России прибегли к аргументу о безысходности сложившейся ситуации и об угрозе советской реставрации. Утверждалось,

что в этих условиях все средства хороши, лишь бы в кратчайшие сроки добиться произвольного раздела общей собственности и отказаться от максимально возможного количества функций государства в экономике. На самом же деле только в такой торопливой сумятице узкой группе лиц можно было безнаказанно присвоить национальные богатства огромной страны, захватывая все больше государственных активов, нживая громадные частные состояния за счет российского государства и погружения в нищету десятков миллионов простых россиян.

Размышляя о феномене ускоренной российской приватизации, Г. Колодко подчеркивал, что “основная цель тех, кто получает основную выгоду от ускоренной приватизации, заключается не в улучшении корпоративного управления, укреплении финансового баланса или повышении уровня жизни населения, а в приобретении ценных активов по заниженным ценам. Создается странная ситуация: убежденные сторонники свободного рынка агитируют за ускоренную распродажу государственного имущества, в том числе и приносящего прибыль, по ценам, гораздо ниже рыночных клиринговых цен” [Колодко 2000, с. 199].

После короткого периода неопределенности бюрократия и силовые структуры, объединенные через вертикаль власти, вновь стали основными акторами экономической и политической сцены и подчинили себе крупный российский бизнес, который утратил свою частную и капиталистическую сущность. Более привычными становятся крупные государственные компании с многочисленными миноритарными акционерами, практически исключенными из процесса управления. И тем не менее, несмотря на столь ярко выраженные черты этакратизма, в стране одновременно существуют зачатки частной собственности и рыночной экономики. При этом из-за того, что “приватизаторы”, как правило, овладели ресурсами, в создании которых они не принимали никакого или почти никакого участия, ничего удивительного, что им практически невозможно защитить свою собственность от государственного деспотизма, поскольку в принципе эта собственность осталась “ничьей”, как в советское время.

Неоэтакратизм образует основу социально-экономического порядка всех стран, принадлежащих к евразийской цивилизации, причем стран с весьма несхожим уровнем развития, механизмом хозяйствования, специфической социально-политической системой. Эти общества различаются и степенью огосударствления собственности, и уровнем концентрации хозяйственной власти, и мерой открытости по отношению к внешнему рынку, и ролью правящей элиты, и степенью авторитаризма, и масштабами влияния репрессивных органов. Но всюду здесь мы наблюдаем чрезмерную власть государственного аппарата управления. Речь при этом идет о бюрократии особого типа, сосредоточившей в своих руках как политическую, так и экономическую власть.

Продолжая эту же линию анализа развития России как представителя особой социальной системы, С. Кордонский применил для описания имперского, советского и современного российского обществ сословное представление о социальной стратификации и показал, что сословия – а не классы – в России были, есть и в предвидимом будущем останутся основными элементами актуальной социальной структуры. В имперской России были одни сословия, в СССР – другие, в постсоветской России сейчас формируются третьи. Собственно, переходы от одних “россий” к другим и есть смены принципов сословного устройства [Кордонский 2008].

Доминирование государственных компаний и торможение частнокапиталистического предпринимательства

В 2000-е гг. окончательно сформировались доминирующие модели поведения, характерные для нового этапа в развитии отношений “власть-собственность” и “приватизированной собственности”. В частности, возникли компании с преимущественно государственными активами и миноритарными акционерами (так называемое частно-государственное партнерство). Привлечение частного капитала (часто

символическое) используется тут для управления огромными активами стоимостью в десятки и сотни миллиардов долларов без какого-либо контроля со стороны формального владельца – российского народа, чьи интересы должны представлять Дума или правительство. Абсолютный контроль над подавляющей частью национального богатства (другими словами, его присвоение) сосредоточен в руках государственных чиновников и их исполнительных директоров – менеджеров этих корпораций. При чем чиновничество прямо и косвенно контролирует большую часть экономики – не столько через собственность на активы, сколько через распоряжение финансовыми потоками. И сегодня, по мнению ряда экспертов, российское государство контролирует до 70% национальной экономики [Смирнов 2014].

Несколько выше цитированный аналитик нашей современной экономики Яковлев обескураженно констатировал: “Складывается ощущение, что в России постепенно восстанавливается – хотя и в более “рыночных” и “демократических” формах – та иерархическая система, которая была характерна для советского времени и которая гасила импульсы к изменениям и к развитию, исходящие не из центра или не согласующиеся с его установками” [Яковлев 2006, с. 345].

Многие российские аналитики считают (и мы с ними согласны), что за все постсоветские годы доля государства в получении природной ренты чрезмерно мала. В других странах она колеблется на уровне от 70 до 90%, а в России составляла (до кризиса) лишь 34%. Это один из тех рекордов, который наша власть не стремится афишировать [Куликов 2007]. К тому же не предпринято ни одной попытки получить большую долю ренты от других ресурсов (металлургия, лесозаготовка, целлюлозно-бумажное производство, земельные ресурсы в пригородах мегаполисов и т.д.). А ведь именно рента от использования всех видов природных ресурсов, которая в сегодняшней России составляет 75% общего национального дохода, может послужить источником экономического подъема и социального прогресса страны.

Западные коллеги обычно удивляются, узнав, например, что с дивидендов наши богатые люди платили до недавнего времени всего 4% (с 2007 г. – 9%), тогда как обычный труженик платит 13% подоходного налога. Такого рая для миллиардеров нет, наверно, ни в одной развитой стране. И это далеко не все, что дозволено крупным собственникам и богачам из чиновного сословия. В целом же можно оценить российскую налоговую систему как не способствующую развитию национально ориентированного производства и внутреннему потреблению граждан [Шкартан 2009, с. 276–280]. Только целевой установкой перераспределения общественных благ в пользу богатых можно объяснить отсутствие в нашей стране таких важных налогов, воплощающих в себе принципы социальной справедливости и социальной ответственности, как налог на предметы роскоши; налог на наследство; налог на недвижимость, обладающую повышенной рыночной стоимостью (особенно – изъятие в пользу общества доходов рентного характера от городских и пригородных земель в Москве и других мегаполисах); прогрессивный подоходный налог и т.д. Другими словами, получается, что элита имеет своеобразную налоговую неприкосновенность.

Компрадоры-буржуа и чиновники – владельцы основных национальных ресурсов

К концу первого постсоветского десятилетия на верху пирамиды богатства оказались те, чье состояние – результат неоправданной приватизации ренты на природные ресурсы. Никто из них не прославился наподобие Г. Форда и Б. Гейтса созданием новых видов продукции или технологий. Почти все русские миллиардеры – представители рентополучающей элиты. Конечно, в большинстве случаев из них не сформировались нормальные экономические агенты, адекватно действующие в рыночной конкурентной среде. Эти квазикапиталисты – прямое продолжение номенклатурных акторов административного рынка [Кордонский 2000].

Правящий слой современной России формируют те, кто контролируют экспорт минерального сырья, прежде всего газа и нефти, алмазов, металла, леса. Их можно отнести к разряду “компрадоров-буржуа”, то есть предпринимателей, чье благополучие зависит не от внутренних, а от внешних экономических и политических факторов. Очевидно, что интересы продуктивных групп российского общества (национальной буржуазии, профессионалов, квалифицированных рабочих) состоят в модернизации страны, ее переходе от состояния сырьевого придатка по отношению к ядру мир-системы к построению современной индустриальной и частично постиндустриальной экономики. Но это возможно лишь при поддержке такого проекта правящей элитой. Однако и интересы элиты, и ее базовые ценности не совпадают с устремлениями этого большинства активной части общества.

По мнению специалистов, российской компрадорской элите (и бизнесменам, и чиновникам) присущи потребительское отношение к национальным ресурсам (как сырьевым, так и людским), прямая зависимость от иностранного капитала и иностранных центров политического влияния, перевод большей части прибыли в зарубежные активы. Принцип ее деятельности состоит в минимизации расходов на все, что не способствует прямо и немедленно росту текущих прибылей. К тому же следует принять во внимание, что крупные экспортеры минерального и природного сырья, а также обслуживающие их крупные финансисты не ощущают под собой твердой правовой опоры ввиду спорной легитимности приватизированной собственности на природные ресурсы: недаром многие из них стремятся выгодно продать свой бизнес, переводя капиталы на Запад. Эта группировка крупных собственников и контролирующих их представителей высшего чиновничества придерживается ультралиберальных, отчетливо антиэтатистских взглядов. Заметим, что за последние 20 лет в стране не было открыто ни одного значительного месторождения газа и нефти. У всех этих группировок компрадорской направленности нет надежной, по-настоящему долгосрочной социальной поддержки внутри страны [Сафронов 2009].

За 2000-е гг. в управленческой структуре произошло массовое смещение в пользу выходцев из специальных служб. Сегодня они занимают позиции губернаторов, руководителей парламентов, крупнейших государственных корпораций как в сырьевом секторе экономики, так и в ВПК и т.д. Возвращение к власти этого слоя бюрократии было неизбежно, ибо именно офицеры спецслужб были основой теряющей контроль над обществом власти, той же самой бывшей советской власти, опирающейся по-прежнему на бюрократический аппарат. Попытки так называемых олигархов поднять под себя государство, стать всевластными хозяевами страны, где доминируют частные интересы, провалились. Начался процесс восстановления вертикали власти.

Непроизводительные издержки чиновников-компрадоров и необходимость Общественного договора

Опорой власти, как неоднократно указывалось, стала каста выходцев из спецслужб, сохранившая государственнический менталитет в условиях полного и всеобщего разложения и деградации других групп советской бюрократии (так, в составе правительства В. Путина (2008 г.) их насчитывалось 43%). Однако силовики в 2000-е гг., сняв угрозу государству от олигархов, сами распались на группы со своими клановыми интересами. Общегосударственное уступило место корпоративному, публично-частному [Пастухов 2009; Воронкова, Сидорова, Крыштановская 2011, с. 76]¹.

---

¹ Весьма актуальную сторону непроизводительных издержек на чиновников рассмотрел известный банкир А. Лебедев. По его данным, руководители государственных корпораций затрачивают миллиарды долларов в год на удовлетворения своих непомерных потребностей. Ежегодно под Новый год топ-менеджеры госкорпораций официально выписывают себе бонусов на 7–10 млрд долларов. А еще больше они кладут в карманы за счет незамысловатых гешефтов: откатов за кредиты и те же подряды, модный сейчас “аутсорсинг”, перевод акций кредитруемых объектов на родственников и т.п. [Лебедев 2008, с. 4].

Российской “элите” не присущи гражданственность и государственное мышление. Ее незаинтересованность в разрешении ситуации с бедностью большинства сограждан, безразличие к судьбам отечественной науки и инновационной экономики объясняется синдромом быстро обогатившихся людей, заботящихся только о себе и своем окружении. Такой ценностный “набор” во многом предопределяет не только существо, но и форму, методы осуществления государственного управления. Примерами, подтверждающими сказанное, заполнены и наша печать, и Интернет. Достаточно сравнить, скажем, реакцию на гигантский взрыв в Междуреченске, в Кемеровской области в мае 2010 г., где погибли десятки людей, а совладельцем шахты был миллиардер Р. Абрамович, и масштабную катастрофу на нефтяной платформе British Petroleum в Мексиканском заливе. В первом случае шахта выплатила своим офшорным владельцам положенные дивиденды [Беляков 2010], во втором Б. Обама потребовал у компании покрытия всех расходов и не выделил никаких средств из национального бюджета в помощь владельцам транснационального гиганта, хотя реально она была американской [Звонова 2013].

За короткий постсоветский период Россия выдвинулась в первые ряды стран по уровню социального неравенства. Не случайно, что в России 1% самых состоятельных сограждан получают 40% всех доходов, тогда как даже в США этот же 1% самых богатых располагают лишь 8% национальных богатств. Еще раз подчеркнем: мы не являемся сторонниками псевдокоммунистического равенства и вслед за Ж. Бодрийяром считаем, что успешно развивающееся общество может существовать и воспроизводиться, лишь следуя “закону структурного неравенства”. Но столь же справедливо, что труд людей должен сочетаться с достойным образом жизни. Качество жизни простых граждан – важнейшая ценность и задача. Трудно признать разумными и оправданными столь резкие различия в оплате квалифицированных специалистов и представителей администрации, которым они подчинены. В Москве преподаватель вуза получает в среднем около 40 тысяч рублей в месяц, а руководители заведений за тот же месяц – свыше 2 млн рублей. Аналогичная ситуация складывается во всех социальных отраслях – медицине, образовании, науке. Как выяснил Европейский банк реконструкции и развития, в России произошел максимальный разрыв по доходам среди постсоциалистических стран.

Между тем права и возможности разных групп населения обязаны быть трезво соотнесены, и регулирование их – важнейшая задача государства, понимающего первостепенную важность проблемы – избежать социального раскола, добиться консолидации общества. Эту задачу нужно решать, чтобы обеспечить стабильность и устойчивость в развитии страны. И решать, опираясь на не столь уж часто используемое понятие “справедливость”. Под справедливостью понимается равенство прав, свобод и возможностей реализовать свои потенции для развития индивидуумов. Утверждение справедливости мы увязываем с активным участием государства в распределении и перераспределении национального богатства (политика распределения дохода имеет едва ли не решающее значение с точки зрения перспектив, это непременное условие достижения позитивных результатов в борьбе с бедностью); организационным, экономическим, правовым обеспечением социальной кооперации.

Утверждение принципа социальной справедливости предполагает, что все граждане на деле могут участвовать в политическом процессе и оказывать реальное влияние на политическую повестку дня. Для этого нужно прежде всего устранить неравенство в доступе к образованию, включая высшее и поствысшее, к здравоохранению и особенно – к информации, а значит – концентрацию ресурсов на эффективной политике развития человеческого капитала, качественное увеличение инвестиций в человеческие ресурсы низших слоев населения.

Особенно такая политика важна для россиян с их традиционной приверженностью принципу справедливости как важнейшей моральной ценности. Современная ситуация именно потому так тяжело переживается людьми, что они видят огромный разрыв между бедными и богатыми, к тому же нажившими свое богатство нечестным

путем. При нормальной государственной политике, ставящей своей целью солидаризацию сограждан, доходы разных групп населения не могут находиться в состоянии ошеломляющего контраста.

Сказанное предполагает серьезный пересмотр политического контракта с главными социальными группами нашего общества, то есть бюджетниками, силовиками, предпринимателями, пенсионерами, профессионалами-интеллигентами, квалифицированными рабочими, мигрантами. Сейчас же, как пишет Н. Кричевский, «власть и общество не слышат друг друга, доверия, как прежде, — ноль, и единственной скрепой, не позволяющей нации фрагментироваться, остается президент. Крепок ли канат?»

Нередко теперь говорится о былом неформальном контракте между государством и населением, якобы заключенном в тучные нулевые. “Мол, вы там, с телевизором, делайте что хотите, только наполните наши холодильники...” Судя по сегодняшним настроениям, договоренность была иной: нам фиолетово, что вы там (в Москве, в регионах, госкомпаниях, etc.) воруете, но и вы к нам не лезьте — мы тоже будем всеми способами обогащаться. А на добытые барыши и пожрать себе сами купим, и приборахлимся, и мир посмотрим» [Кричевский 2016].

Отсюда — необходимость нового Общественного договора. При этом требуется реализовать новые и уже ставшие общепринятыми в экспертной среде выводы, сформулированные двумя лауреатами Нобелевской премии Дж. Стиглицем и А. Сеном в их специальном докладе тогдашнему президенту Франции Н. Саркози. Оценивая степень общественного прогресса, они отвергли в качестве его индикатора традиционно применявшийся ВВП, а предложили намного более эффективный показатель комфортности жизни людей. Сейчас входит в обиход еще более продуктивное, с точки зрения общественного интереса, понятие *human security*, которое поглощает в себя концепцию прав человека. Все эти концепции противостоят западной идеологической матрице “цивилизации денег”, которая выдвигается в качестве базы построения общемировой цивилизации как глобальный общественный идеал [Абрамова 2016].

Содержание предлагаемого Общественного договора задано двумя основными свойствами той социальной системы, которую представляет собой российский общественный организм. Первое свойство — социально-экономические отношения этакратизма, рассмотренные выше. Второе свойство — специфические черты системы власти, как и этакратизм, присущий стране на протяжении веков. Очевидно, что многие черты и особенности власти, как и этакратических отношений, под влиянием внешних и внутренних факторов претерпевали значительные изменения, но системообразующие свойства их оставались неизменными.

В России события конца 1980—начала 1990-х гг. привели к временному отступлению традиционных форм организации жизни и, как казалось многим, к формированию либерально-демократического устройства общества. Однако традиции восторжествовали над инновациями. И уже в 1990-е гг. шаг за шагом традиционность в организации жизнеустройства стала возобладать над “революционным переустройством”.

Русским, унаследовавшим Российское государство от Советского Союза, пришлось принять на себя всю ответственность за издержки отечественного социализма. А. Солженицын писал: “Русский народ в целом потерпел в долготе XX века историческое поражение — и духовное, и материальное. Десятилетиями мы платили за национальную катастрофу 1917 г., теперь платим за выход из нее — и тоже катастрофический. Мы сломали не только коммунистическую систему, мы доламываем и остаток нашего жизненного фундамента... И последнее, что еще у нас осталось отнять, — и отнимают, и воруют, и ломают ежедень, — сам Дух народа” [Солженицын 1998, с. 200].

Все великие демократы спасали свои нации в критических ситуациях, сплачивая их объединительными идеями. Они содействовали формированию национальной системы ценностей. Достаточно назвать имена Ф. Рузвельта, Ш. де Голля, У. Черчилля. В сложившихся в стране условиях необходимо формирование идейных, политических и нравственных ценностей, призванных заполнить посткоммунистический

и постимперский нравственный вакуум, снять у россиян комплекс оскорбленного национального достоинства. Государственная политика, опирающаяся на солидарность нации, на устойчивую общность интересов основных социальных сил, исходящая из традиционного для россиян понимания справедливости, может стать важным элементом строительства сильного национального социального государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М.Г. (2016) Государство “общего дела” против “цивилизации денег” // Свободная мысль. № 4. С. 105–121.
- Аникин В.А., Тихонова Н.Е. (2014) Бедность в России на фоне других стран // Мир России. № 4. С. 59–95.
- Беляков А. (2010) “Медведи” берут под контроль “Распадскую” // Московский комсомолец. 20 мая.
- Воронкова О.А., Сидорова А.А., Крыштановская О.В. (2011) Российский истэблишмент: пути и методы обновления // ПОЛИС. № 1. С. 66–79.
- Гонтмахер Е.Ш. (2013) Российские социальные неравенства как фактор общественно-политической стабильности // Вопросы экономики. № 4. С. 68–82.
- Гонтмахер Е.Ш., Малева Т.М. (2008) Социальные проблемы России и альтернативные пути их решения // Вопросы экономики. № 2. С. 141–163.
- Григорьев Л.М., Плаксин С.М., Салихов М.Р. (2008) Посткризисная структура экономики и формирование коалиций для инноваций // Вопросы экономики. № 4. С. 25–43.
- Гудков Л.Д. (2009) Условия воспроизводства советского человека // Вестник общественного мнения. № 2. С. 8–37.
- Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Цели устойчивого развития ООН и Россия (2016) М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации.
- Звонова О. (2013) Авария в Мексиканском заливе: хроника событий и экологические последствия // Аргументы и факты. 20 февраля.
- Кастельс М. (2000) Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ.
- Колодко Г.В. (2000) От шока к теории. Политическая экономия постсоциалистических преобразований. М.: Эксперт.
- Кордонский С.Г. (2000) Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М.: О.Г.И.
- Кордонский С.Г. (2008) Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”.
- Кравченко Л.И. (2016) Бедность в России: не 20, а 70 миллионов россиян (<http://rusrand.ru/analytics/bednost-v-rossii-ne-20-a-70-millionov-rossiyan>).
- Кричевский Н.А. (2016) Контракт вора с жертвой. Главная общественная проблема России – в утрате еще с середины XVII века сцепляющего все и вся доверия // Московский комсомолец. 20 июля.
- Куликов О. (2007) Как сделать нефть народной // Правда. Специальный московский выпуск.
- Лебедев А.Е. (2008) Смертельное недоверие-3: что делать с ДОЛБИНАМИ? // Московский комсомолец. 11 апреля.
- Левашов В.К. (2013) Риски устойчивого социально-политического развития // Социс. № 12. С. 3–18.
- Межуев В.М. (2000) Традиция самовластия в современной России // Свободная мысль. № 4. С. 94–102.
- Нова ли новая Россия? Перемены в социальной структуре общества и социальном воспроизводстве россиян по материалам опросов 1994–2013 гг. (2016) М.: Университетская книга.
- Пастухов В.Б. (2009) Медведев vs Путин: двоемыслие как альтернатива двоевластию // ПОЛИС. № 6. С. 119–139.
- Пикетти Т. (2015) Капитал в XXI веке. М.: AdMarginem.
- Сафронов А. (2009) Компрадорская буржуазия и проблемы экономической отсталости // Свободная мысль. № 12. С. 77–92.
- Смирнов К.О. (2014) Кто заменит Медведева? // Московский комсомолец. 23 ноября.
- Солженицын А.И. (1998) Россия в обвале. М.: Русский путь.
- Социальная политика: долгосрочные тенденции и изменения последних лет (2015) XVI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества 7–10 апреля 2015 г. М.: НИУ ВШЭ.

- Стендинг Г. (2014) Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Шкаратан О.И. (2009) Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ОЛМА Медиа Групп.
- Яковлев А.А. (2006) Агенты модернизации. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.
- Hedlund St. (1999) Russia's "Market" Economy. A Bad Case of Predatory Capitalism. L.: UCL.
- Outlook on the Global Agenda (2014) Geneva: World Economic Forum.
-

Post-Soviet Statehood and Society

Part 3. The Strengthening of Statehood as Social Contract Between Society and Authorities

S. KOROTAEV*,
O. SHKARATAN**

***Korotaev Sergey** – Trainee Researcher of the Laboratory for Comparative Analysis of Development in Post-Socialist Countries NRU HSE. Address: Moscow, Malaya Pionerskaya 12, 115054. E-mail: skorotaev@hse.ru

****Shkaratan Ovsey** – Doctor of Sciences in Historical Sciences and Archaeology, Tenured Professor NRU HSE, Head Laboratory for Comparative Analysis of Post-Socialist Development NRU HSE, Chairman of Editorial Council in journal "Universe of Russia. Sociology. Ethnology". Address: Shabolovka 26/4? Moscow, 119049. E-mail: ovsey@hse.ru

Abstract

The concluding part of the article focuses on the issues of socio-economic inequality deepening in post-soviet Russia. The authors show the high indicators of inequality (high Gini coefficient, low real incomes per capita of most Russian population and increasing number of oligarchs) have mainly conditioned by the governing principles, aimed to maximize the wholecontrol in hands of ruling group. The nature of socio-economic system established in post-soviet Russia are performed – namely Etacratism in the new phase (Neo-etacratism). The Neo-etacratism setting grasps 3 historical stages: the late soviet time when the capture of controlling positions in privatizing economy was fulfilled; the property's and finances' privatization phase when oligarchs took the key positions in state governing; business capture and its subordination in the interests of state departments. The authors have concluded that for overcoming of socio-economic stagnation and setting of social fairness' principles it is necessary to reconsider the current social contract whose central idea should focus on liquidation of inequality in access to public institutions.

Keywords: socio-economic inequality, Etacratism, Neo-etacratism, Russian society

REFERENCES

- Abramova M.G. (2016) Gosudarstvo "obshhego dela" protiv "civilizacii deneg" [State "Common Cause" Contra "Civilizations of Money"]. *Svobodnaja mysl'*, no. 4, pp. 105–121.
- Anikin V.A., Tihonova N.E. (2014) Bednost' v Rossii na fone drugih stran [Poverty in Russia against the Background of Other Countries]. *Mir Rossii*, no. 4, pp. 59–95.
- Belyakov A. (2010) "Medvedi" berut pod kontrol' "Raspadskuju" [The Bears Take Control of the "Raspadskaya"]. *Moskovskij komsomolec*, 20.05.
- Gontmaher E.S. (2013) Rossijskie social'nye neravenstva kak factor obshhestvenno-politicheskoi stabil'nosti [Russian Social Inequalities as Factor of Social and Political Stability]. *Voprosy ekonomiki*, no. 4, pp. 68–82.
- Gontmaher E.S., Maleva T.M. (2008) Social'nye problem Rossii i alternativnye puti ih reshenija [Social Problems of Russia and Alternative Ways of Their Decision]. *Voprosy ekonomiki*, no. 2, pp. 141–163.

- Grigor'ev L.M., Plaksin S.M., Salihov M.R. (2008) Postkrizisnaja struktura ekonomiki i formirovanie koalitsij dlja innovacij [Post-crisis Structure of Economy and Formation of the Coalitions for Innovations]. *Voprosy ekonomiki*, no. 4, pp. 25–43.
- Gudkov L.D. (2009) Uslovija vosproizvodstva sovetskogo cheloveka [Conditions of Reproduction of the Soviet Person]. *Vestnik obshhestvennogo mnenija*, no. 2, pp. 8–37.
- Hedlund St. (1999) *Russia's "Market" Economy. A Bad Case of Predatory Capitalism*. London: UCL.
- Kastel's M. (2000) *Informacionnaja jepoha. Jekonomika, obshhestvo i kul'tura* [Information Era. Economy, Society and Culture]. Moscow: GU-VShJe.
- Kolodko G.W. (2000) *Ot shoka k terapii. Politicheskaya ekonomiya postsotsialisticheskikh preobrazovanij* [From Shock to Therapy. Political economy of Post-Socialist Transformation]. Moscow: Economist.
- Kordonskij S.G. (2000) *Rynki vlasti. Administrativnye rynki SSSR i Rossii* [Markets of the Power. Administrative Markets of the USSR and Russia]. Moscow: O.G.I.
- Kordonskij S.G. (2008) *Soslovnaja struktura postsovetskoj Rossii* [Class Structure of Post-Soviet Russia]. Moscow: Institut Fonda "Obshhestvennoe mnenie".
- Kravchenko L.I. (2016) Bednost' v Rossii: ne 20, a 70 millionov rossijan [Poverty in Russia: not 20, and 70 Million Russians] (<http://rusrand.ru/analytics/bednost-v-rossii-ne-20-a-70-millionov-rossijan>).
- Krichevskij N.A. (2016) Kontrakt vora s zhertvoy. Glavnaja obshhestvennaja problema Rossii – v utrate eshhe s serediny XVII veka sceppljajushhego vse i vsja doverija [Contract of the Thief with the Victim. The Main Public Problem of Russia – in Loss from the Middle of the 17th Century of the Trust Linking Everyone and Everything]. *Moskovskij Komsomolec*, 20.07.
- Kulikov O. (2007) Kak sdelat' neft' narodnoj [How to Make Oil National]. *Pravda. Special'nyj moskovskij vypusk*.
- Lebedev A.E. (2008) Smertel'noe nedoverie-3: chto delat' s DOLBINAMI? [Deadly mistrust-3: what to do with DOLBINAMI?]. *Moskovskij komsomolec*, 11 aprilja.
- Levashov V.K. (2013) Riski ustoychivogo social'no-politicheskogo razvitiya [Risks of Sustainable Socio-political Development]. *Socis*, no. 12, pp. 3–18.
- Mezhuev V.M. (2000) Tradicija samovlastiya v sovremennoj Rossii [Tradition of Autocracy in Modern Russia]. *Svobodnaya mysl'*, no. 4, pp. 94–102.
- Nova li novaya Rossiia? Peremeny v sotsial'noi structure obshchestva i sotsial'nom vosproizvodstve rossijan po materialam oprosov 1994–2013 gg.* (2016) [Is new the new Russia? Changes in Social Structure and Social Reproduction of the Russians according to the Materials of Surveys 1994–2013]. Moscow: Universitetskaja kniga.
- Outlook on the Global Agenda (2014) Geneva: World Economic Forum.
- Pastuhov V.B. (2009) Medvedev vs. Putin: dvoemyслиe kak al'ternativa dvoevlastiju [Medvedev vs. Putin: Doublethink as Alternative to a Diarchy]. *POLIS*, no. 6, pp. 119–139.
- Piketti T. (2015) *Kapital v XXI veke* [The Capital in the 21st Century]. Moscow: Ad Marginem.
- Safronov A. (2009) Kompradorskaja burzhuazija i problemi jekonomicheskoy otstalosti [Comprador Bourgeoisie and Problems of Economic Backwardness]. *Svobodnaya mysl'*, no. 12, pp. 77–92.
- Shkaratan O.I. (2009) *Sotsial'no-ekonomicheskoe neravenstvo i ego vosproizvodstvo v sovremennoj Rossii* [Socio-economic Inequality and Its Reproduction in Modern Russia]. Moscow: OLMA Media Grupp.
- Smirnov K.O. (2014) Kto zamenit Medvedeva? [Who will Substitute Medvedev?]. *Moskovskij komsomolec*, 23.11.
- Social'naja politika: dolgosrochnye tendencii izmenenija poslednih let [Social Policy: Long-term Tendencies and Changes of the Last Years] (2015) *XVI Aprel'skaja mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija po problemam razvitiya ekonomiki i obshhestva 7–10 aprilja 2015 g.* [XVI April International Scientific Conference on Problems of Development of Economy and Society. April 7–10, 2015]. Kuz'minov Ja. I., Ovcharova L.N. (eds.), Moscow: NIU VShJe.
- Solzhenicyn A.I. (1998) *Rossija v obvale* [Russia in a Collapse]. Moscow: Russkij put'.
- Stending G. (2014) *Prekariat: novyj opasnyj klass* [Prekariat: New Dangerous Class]. Moscow: Ad Marginem Press.
- Voronkova O.A., Sidorova A.A., Kryshchanovskaja O.V. (2011) Rossijskij isticblishment: puti i metody obnovleniya [Russian Establishment: the Ways and Methods of Renewal]. *POLIS*, no. 1, pp. 66–79.
- Yakovlev A.A. (2006) *Agenty modernizatsii* [Agents of Modernization]. Moscow: Izd. dom GU VShE.
- Zvonova O. (2013) Avariya v Meksikanskom zalive: hronika sobytij i ekologicheskie posledstviya [The Accident in the Gulf of Mexico: a Chronicle of Events and Environmental Effects]. *Argumenty i fakty*, 20.02.